

in Творчество А. Платонова... Книга 2,
St Petersburg, 2000, pp 113-116

Мотив возвращения в рассказе А. Платонова "Возвращение".

проф. А. Ливингстоун, Эссекский Университет

1. В рассказе "Возвращение" преобладает сам мотив Возвращения. Вот несколько примеров. В начале: "он вернулся обратно в часть"; "[она] тоже возвращалась домой"; "[она] доехала до города, где она родилась"; "он послал телеграмму, что он... выезжает домой"...¹ В течение всего рассказа уезжают, приезжают, возвращаются, думают о возврате. В конце: "он... решил уехать в тот город, где он оставил [ее]"; "[Петя] махал рукою, как будто призывая кого-то, чтобы тот возвратился к нему"...²

Это, конечно, другое время, другой масштаб, другой статус, но простой центральностью идеи возвращения рассказ напоминает Одиссея Гомера - с обратным путешествием героя на родину и, по приезде туда, постепенным раскрытием героем самого себя своим родным и знакомым - то-есть, его психологическим возвращением: шесть раз Одиссей снимает маскировку, или же его узнают несмотря на нее.

Уже писали об эпическом характере художественного мышления Платонова.³ Тут этот характер выливается не только в классической простоте повествовательного стиля и в ошутимом широком значении человеческих деяний, но также и в этом сходстве сюжета со специфическим древним эпосом. Как Одиссей, Иванов покидает многолетнюю, теперь законченную войну, отправляется домой, где его ждут жена и сын (правда, тут и дочка), задерживается по пути из-за разных событий, одно из которых - встреча с женщиной с замечательными волосами (прекрасные волосы Цирцеи становятся пахнущими осенними листьями волосами Маши) и, приехав, узнает, что жена окружена поклонниками, и что сын вырос и стал необыкновенно серьезным человеком (к Телемаху многократно применяются прилагательные "серьезный" и "задумчивый"). И еще одно сходство: сами средства передвижения (там - корабли, тут - поезда) составляют немалую часть образности сочинения - чем и подчеркнуто огромное физическое пространство вокруг действующих лиц.

Во всемирной пустоте встречи одиноких людей приобретают большую значительность. Ритуалы приветствия и прощания чрезвычайно важны в старинном эпосе, и сильно чувствуется различие между гостем и членом семьи. Мотивы проводов и встреч не менее важны в платоновском рассказе: "Иванова проводили"; "снова его провожали"; "Маша провожала его"; "[она] три дня подряд выходила ко всем поездам"; "[она] послала детей... чтобы они встретили отца"; "Его встретил сын"; "Мать встретила их на крыльце дома"...⁴ История дружбы Любови Васильевны и Семена Евсеевича собственно - история о приеме гостя; конечный эпизод с бегущими за поездом детьми тоже представляет собой сгущение этих мотивов - их бег похож на запоздалые проводы и одновременно на ожидаемое приветствие.

Задержка Иванова состоит, однако, не в ряде приключений и блужданий по свету, а в ряде его попыток возвратиться туда, откуда он уехал. Но это двусмысленно: вплоть до самого конца, почти до последних слов можно истолковать заглавие как возвращение в армию, на войну. Фактически или метафорически Иванов начинает возвращаться домой пять раз, между тем как целых четыре раза возвращается в армию: он уезжает по демобилизации; возвращается в часть; снова

уезжает; сопровождает представительницу армии Машу в ее город; еще раз уезжает; приехав домой, но не чувствуя себя дома, мысленно возвращается в армию, так как думает о сыне как о военном (Петя "командует" у печи; он же - "сержант"); наконец опять (и, как он думает, окончательно) направляется туда, откуда он приехал, т.е. к Маше, человеку армии; а потом опять, и в самом деле окончательно (как нам кажется!) возвращается домой.

II. Кроме возвращения в прямом смысле есть в рассказе что-то вроде возвращения самого автора от стихийных и необычных забот к более домашним и умеренным. Именно в стихийном месте между двумя семьями и знакомятся Иванов и Маша - в "скучном", "сером", безлюдном и бездомном пространстве. Ведь оба чувствуют себя "осиротевшими без армии": для Иванова армия, где его товарищи, заменяла семью, а для Маши, буквальной сироты, армия была единственной "семьей". Во внесемейном пространстве выявляются стихийные качества каждого. Маша кажется Иванову воздухом, пространством и водой (она и "просторная Маша" и "дочь пространщика", т.е. работника в бане); к тому же она и лес: волосы пахнут листьями в лесу. А Маша воспринимает Иванова как огонь: "лицо, загоревшее на солнце"; большой палец привык к огню в трубке; "от него сильно пахло... чистыми веществами, которые произошли из огня или сами могут родить огонь";⁵ Иванов же разжигает костер для приготовления еды.

В свете стихийных потенциальностей, осуществление которых автор избегает развивать (читатель не может быть уверенным, сочетаются ли этот огонь и эта вода или нет, хотя он сознает, что Платонов знал лучше всех, какую силу создает такое сочетание в локомотиве), та семейная жизнь, к которой возвращается Иванов, получает особенный пафос.

Другое введомашнее явление - поезд - соответственно лишено типичных для раннего Платонова страстности и ярости. Вместо того поезда, который "Вел [Мальцев] ... с сосредоточенностью вдохновенного артиста", тут обыкновенный поезд, которого терпеливо ждут на платформе. Вместо живого, почти животного паровоза, описанного в Чевенгуре, тут речь идет о тамбурах и о вагонах с полками, о составе поезда, а не о его движущей силе; это не поезд - стихия, а поезд - мост через стихию; как будто сам образ поезда возвратился от крайностей и опасностей к скромному, бытовому существованию.

III. Важнее всего возвращение моральное. Под конец рассказа происходит в душе Иванова внезапная, но глубокая - возвратительная - перемена. Подобная перемена происходит, невидимо для читателя, в душе Пети (и также в душе второстепенного персонажа Харитона в Петинем рассказе). У каждого это - какое-то возвращение к самому себе. Освободившись от господствовавших в нем до тех пор стереотипных реакций ревнивого мужа, Иванов вдруг чувствует "другую жизнь". При словах о его "обнажившемся сердце" вспоминается, может быть, то, как переодетый Одиссей снимает наконец личину и показывает всем, что это он: Иванов тоже сбрасывает какую-то - внутреннюю - маскировку, возвращаясь к своим родным не только географически, но и нравственно-экзистенциально.

Переворот в сыне показан более внешним образом. Его мысли не передаются, но их результат проявляется в том, как он бежит за поездом. Интересно заметить, что читателю показан его бег через глаза стоящего в поезде и невидимого Пете отца, подобно тому, как Петя незадолго до этого, наблюдая отца из своего укромного места на печи, осознал возможность возвышения над самим собой; это - начало его душевной перемены: именно тут он и рассказывает о Харитоне. Отец же, тайно наблюдая за сыном в тамбуре поезда, начинает осознавать эту же возможность. А Петя не просто бежит, он бросается стремглав. Прежде он держал в руках и себя и других, теперь сам стал неустойчивым: прежде защищал родных от опасности, теперь сам тащит сестренку в опасный бег. Символ его перемены - надетые непарные туфли: он освободился в беспорядок. Это тоже воспринимается читателем как некое возвращение - к нормальному детству.

Кажется, что моральные переходы предсказаны в начале рассказа в словах об умении Иванова всегда находить выход из уныния или плохого настроения: легко думать, что в этом главный смысл рассказа. Но эта психологическая тема расширяется до темы о возвращении вообще от крайностей к умеренности, от стихийных начал и мировых идей к простому доброжелательству и к любви.

"Возвращение" - очень платоновский лейтмотив. "Джан" - весь об этом; "Епифанские шлюзы" - полны мыслью о (неосуществимом) возвращении; "Река Потудань" построена на трех возвращениях (к отцу, к женитьбе, к жене); в начале рассказа "Взыскание погибших" несколько раз встречается слово "вернулась", или подобные слова, из которых развивается тема возвращения мертвых к жизни. Задолго до рассказа с названием "Возвращение" это понятие приобрело у Платонова глубину и широту; и тот последний миг, когда, покинув поезд, Иванов возвращается к своей семье, перекликается со строками Мандельштама:

"И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный."

Далекое сравнение с "Одиссеей" не совсем искусственно. Кроме сходных моментов, мне хотелось привлечь внимание к рассказу "Возвращение" как к одному из самых совершенных произведений Андрея Платонова, достойного сопоставления с лучшими произведениями мировой литературы.

Литература

1. "Возвращение", в книге: Андрей Платонов, Взыскание погибших, сост. М.А. Платонова, Москва 1995; стр. 516 - 519.
2. Там же, стр. 536 - 538.
3. Например, Г.В. Филиппов, ср. А.А. Харитонов и Д.В. Колесова, "1 - У1 Платоновские семинары в Пушкинском Доме (1990 - 1994)" в книге Творчество Андрея Платонова, Санкт-Петербург, 1995; стр. 270
4. Взыскание погибших, 516 - 520.
5. Там же, 518.